

Ю.В. Лебедев

О народных истоках мироощущения Некрасова

Русский поэт начала XX века К. Бальмонт так писал о творчестве Некрасова:

«Бесконечная тянется дорога, и на ней, вслед промчавшейся тройке, с тоскою глядит красивая девушка, придорожный цветок, который сомнется под тяжелым, грубым колесом. Другая дорога, уходящая в зимний лес, и близ нее замерзающая женщина, для которой смерть — великое благословение... Опять бесконечная тянется дорога, та страшная, которую народ прозвал проторенной цепями, и по ней, под холодной далекой луной, в мерзлой кибитке, спешит к своему изгнаннику-мужу русская женщина, от роскоши и неги в холод и проклятие».

Стихотворением «В дороге» Некрасов начал свой творческий путь, поэмой о странствиях по Руси мужиков-правдоискателей он его закончил. Когда на закате дней Некрасов пытался написать автобиографию, его детские впечатления вновь сопровождала дорога:

«Сельцо Грешнево стоит на низовой Ярославско-Костромской дороге, называемой Сибиркой, она же и Владимирка; барский дом выходит на самую дорогу, и все, что по ней шло и ехало, было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства».

Грешневская дорога явилась для Некрасова первым «университетом», широким окном в большой всероссийский мир, началом познания многошумной и беспокойной народной России:

У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав — вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
.....
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

С незапамятных времен дорога вошла в жизнь ярославско-костромского крестьянина. Скучная земля российского Нечерноземья часто ставила его перед вопросом: как прокормить растущую семью? Суровая северная природа заставляла мужика проявлять особую изобретательность в борьбе за существование. По народной пословице, выходил из него «и швец, и жнец, и на дуде игрец»: труд на земле волей-неволей сопровождался попутными ремеслами. Издревле крестьяне некрасовского края занимались плотницким ремеслом, определялись каменщиками и штукатурами, овладевали ювелирным искусством, резьбой по дереву, изготовляли колеса, сани и дуги. Уходили они и в бондарный промысел, не чуждо им было и гончарное мастерство. Бродили по дорогам портные, лудильщики, шерстобиты, гоняли лошадей лихие ямщики, странствовали по лесам да болотам с утра до вечера зоркие охотники, продавали по селам и деревням нехитрый красный товар плутоватые коробейники.

Желая с выгодой для семьи употребить свои рабочие руки, устремлялись мужики в города — губернские, Кострому и Ярославль, а чаще всего в столичный Петербург да в первопрестольную Москву-матушку. Как перелетная птица, с наступлением первых зимних холодов, завершив крестьянскую полевую страду, собирался отходник в дальнюю дорогу. Всю зиму трудился он не покладая рук на чужедальней стороншке: строил дома в Москве и Петербурге, катал валенки, дубил кожи, водил по многолюдным местам медведя на потеху честному народу. Когда же начинало пригревать по-весеннему ласковое солнышко, собирал отходник в котомку свой нехитрый инструмент и с легким сердцем, звеня трудовыми пятаками, отправлялся домой, на родину. Звала к себе земля: в труде пахаря-хлебороба любой отходник все-таки видел основу, корень своего существования.

И сновал этот непоседливый люд без числа все по той же дороге, с которой с детства сроднилась душа будущего народного поэта. Еще мальчиком встретил здесь Некрасов крестьянина, не похожего на старого, оседлого хлебороба, кругозор которого ограничивался пределами своей деревни. Отходник далеко побывал, многое повидал. На стороне он не чувствовал повседневного гнета со стороны помещика и управляющего, дышал полной грудью и на мир смотрел широко открытыми глазами. Это был человек независимый и гордый, критически оценивающий окружающее: «И сказкой потешит, и притчу вернет!»

В нечерноземных оброчных имениях даже при крепостном праве существовало демократическое крестьянское самоуправление. Помещики, проживавшие в городах, давали возможность крестьянам самостоятельно раскладывать оброчную сумму по дворам, в зависимости от их состоятельности, решать на мирских сходках общие вопросы и дела.

Ярославско-костромской край — колыбель народного поэта — драматург А. Островский неспроста называл «самой бойкой, самой промышленной местностью Великороссии». «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?» — вопрошал Гоголь и ответ давал тоже знаменательный:

«Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро, живьем с одним топором да долотом снарядил тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да размахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход, и вот она понеслась, понеслась, понеслась!..»

Среди «бойкого народа» в характере самого Некрасова с детских лет укоренился дух правдоискательства, который искони был присущ его землякам. Народный поэт тоже пошел по дороге отходника, но только не в крестьянском, а в писательском ее существе.